

МРНТИ 10.27.65
УДК 343.851.5
JEL K15

<https://doi.org/10.46914/2959-4197-2026-1-2-354-361>

ТОМАНОВА Н.М.,*¹

к.ф.н., ассоциированный профессор.

*e-mail: n.tomanova@turan-edu.kz

ORCID ID: 0009-0004-1730-6150

ЖАППАР К.З.,¹

к.ф.н., профессор-исследователь.

e-mail: k.zhappar@turan-edu.kz

ORCID ID: 0000-0001-8655-7675

БУЗЕЛО А.С.,¹

к.ф.н., профессор.

e-mail: a.buzelo@turan-edu.kz

ORCID ID: 0000-0001-5457-1237

АЛДАБЕРГЕНҚЫЗЫ Л.,¹

магистр переводч.дела, сениор-лектор.

e-mail: l.aldabergenkyzy@turan-edu.kz

ORCID ID: 0000-0003-3895-2085

¹Университет «Туран»,

г. Алматы, Казахстан

РЕЧЕВАЯ МАНИПУЛЯЦИЯ В ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЯХ: МЕТОДИКА ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ СПОРНЫХ ТЕКСТОВ

Аннотация

В статье, посвященной исследованию речевой манипуляции в медиатекстах, рассматриваются методические подходы к ее выявлению в практике судебной лингвистической экспертизы, а также уточняются теоретические основания анализа манипулятивного воздействия. Актуальностью исследования является усиление конфликтного потенциала публичной коммуникации, которое требует от специалиста лингвистически обоснованного и контекстуально чувствительного толкования спорных высказываний, влияющих на общественное мнение и репутацию социальных субъектов. В статье представлен критический анализ отечественных и зарубежных подходов к изучению манипулятивного дискурса, выявляются их методологические ограничения и противоречия, обосновывается необходимость интеграции семантического, прагмалингвистического и дискурсивного анализа. В работе на примере публичного видеообращения исследуются механизмы речевого воздействия и условия их реализации. Предложенная авторами система критериев позволяет квалифицировать манипулятивные высказывания через их семантическую структуру и коммуникативную направленность. Практическая ценность исследования заключается в возможности использования его выводов в судебной лингвистике для оценки спорных материалов.

Ключевые слова: речевая манипуляция, судебная лингвистика, манипулятивный дискурс, публичная коммуникация, оценочные высказывания, коммуникативное воздействие.

Введение

Сегодня общественное мнение все чаще формируется через манипулятивные стратегии. Такая ситуация происходит на фоне роста конфликтности в медиаполе и усиления прямого речевого давления на аудиторию. В цифровой среде, где любое высказывание распространяется мгновенно и может иметь серьезные социальные последствия, возрастает роль лингвистической экспертизы: только она может дать обоснованную оценку спорным текстам, которые влияют на мнение общества и правовую оценку действий автора.

Несмотря на значительное количество работ по речевым манипуляциям, специалистам в области судебной лингвистики все еще трудно объединить теорию с юридической практикой.

В частности, неразработанным остается вопрос, как именно устные манипуляции трансформируются в категорию доказательной базы (например, при установлении факта унижения чести и достоинства или скрытого принуждения). Поэтому сегодня нужны модели анализа, которые оценивают не только сами слова, но и контекст, намерения автора и реальную реакцию аудитории.

Объектом настоящего исследования выступают устные публичные высказывания, зафиксированные в виде видеозаписей и транскрибированные для последующего анализа. Предмет исследования составляет совокупность языковых и дискурсивных механизмов, обеспечивающих реализацию манипулятивного воздействия в спорных коммуникативных ситуациях, а также их интерпретация в рамках судебной лингвистической экспертизы.

Цель работы – предложить методический алгоритм для анализа речевых манипуляций в публичной сфере. Основное внимание уделяется тому, как лингвистическая форма высказывания взаимодействует с его прагматической целью и более широким контекстом, это позволяет перейти от простого описания приемов к их обоснованной экспертной квалификации.

В ходе исследования были поставлены следующие задачи: 1) систематизировать теоретические подходы к изучению речевой манипуляции; 2) выявить ключевые языковые и дискурсивные индикаторы манипулятивного воздействия; 3) определить специфику устной речи как объекта судебной лингвистической экспертизы; 4) разработать критерии экспертной интерпретации манипулятивных высказываний; 5) апробировать предложенный подход на материале конкретного кейса.

В этой связи в работе предпринимается попытка уточнения и систематизации подходов к выявлению речевой манипуляции в устных публичных высказываниях. Предлагаемый методический подход основан на интеграции семантического, прагмалингвистического и дискурсивного анализа и ориентирован на более точную интерпретацию спорных текстов в практике судебной лингвистической экспертизы.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили тексты публичных выступлений, а также научные работы в области прагмалингвистики и судебной лингвистики.

В работе использованы следующие методы:

- ♦ структурно-семантический анализ;
- ♦ функционально-прагматический анализ;
- ♦ дискурсивный анализ.

Методологическая база соответствует современным подходам судебной лингвистики, согласно которым анализ высказывания должен включать обязательную реконструкцию коммуникативной ситуации.

Результаты и обсуждение

Речевая манипуляция традиционно рассматривается в рамках междисциплинарного поля, где объединены лингвистика, психолингвистика и теория коммуникации. В современных исследованиях (Е.Н. Кукушкина, О.Н. Быкова, В.И. Карасик, Е.Л. Доценко, С.Г. Кара-Мурза, Г.А. Копнина и др.) манипуляция определяется как скрытое воздействие, направленное на попытку сформировать у человека нужные установки так, чтобы он сам этого не заметил и верил в свободу своего выбора [1, 3, 5, 6, 7]. Во многих исследованиях выделен общий набор признаков: имплицитность, апелляция к эмоциям, опора на стереотипы и асимметрия коммуникативных позиций.

Зарубежная школа, особенно в лице Т. ван Дейка (van Dijk, 2006) и Н. Фэркло (Fairclough, 1995), смотрит на проблему чуть шире – через призму власти и контроля. У ван Дейка, например, манипуляция – это прежде всего управление познанием: если ты контролируешь информацию, ты контролируешь то, как люди понимают мир. Фэркло идет еще дальше, считая такие стратегии инструментом для «узаконивания» нужной версии реальности. Получается, что манипуляция – это не просто лингвистический фокус, а серьезный инструмент социального влияния.

Но в то же время анализ научной литературы показывает, что как в отечественных, так и в зарубежных исследованиях сохраняется одна проблема – преобладание описательного подхода к изучению отдельных языковых приемов манипуляции. Такая фрагментарность не может в полной мере объяснить механизмы формирования воздействующего эффекта, так как не принимает во внимание взаимодействие языковых единиц в структуре дискурса и их роль в достижении коммуникативной стратегии.

К тому же чисто лингвистические критерии часто не соотносятся с юридическими. Для судебного эксперта главный вопрос – как отличить факт от мнения. И именно здесь манипуляторы расставляют ловушки, выдавая свои оценки за голые факты.

Особые трудности возникают также при анализе устной публичной речи, для которой характерны спонтанность, эмоциональность и разнообразие форм. Хотя эти особенности описаны в научной литературе, но в экспертной практике они до сих пор остаются «серой зоной». Так например, мы все еще не до конца понимаем, как соотнести намерения человека с тем реальным эффектом, который его слова производят на широкую аудиторию.

Все перечисленные моменты ставят вопрос о необходимости перехода от описательных к более комплексным аналитическим подходам, которые учитывают взаимодействие языковых, дискурсивных и коммуникативных факторов. В настоящем исследовании предлагается рассматривать речевую манипуляцию как результат комплексной организации высказывания, в которой значение формируется на пересечении семантического содержания, прагматической интенции и дискурсивного контекста. Такой подход позволит обеспечить более точную и обоснованную интерпретацию спорных текстов в практике судебной лингвистической экспертизы.

Разграничение типов высказываний как основа лингвистической экспертизы

Современные подходы к судебно-лингвистическому анализу предполагают различение высказываний в зависимости от их речевого статуса. Как отмечает Е.Н. Кукушкина, в рамках экспертизы принципиально важно разграничивать утверждения о фактах, оценочные суждения, предположения и речевые акты побуждения [1, с. 132]. Утверждения о фактах подлежат проверке на соответствие действительности, тогда как оценочные суждения, согласно правовой доктрине, защищаются правом на свободу выражения мнения при условии отсутствия заведомо ложной информации. Вместе с тем, как подчеркивает исследователь, наибольшую сложность представляет именно форма выражения оценки: если маркеры субъективности отсутствуют, мнение может восприниматься как сообщение о факте [1, с. 134]. Это приводит к формированию эффекта фактологичности при изначально оценочном характере высказывания.

В данном контексте особое значение приобретают речевые тактики, обеспечивающие воздействие на адресата и выводящие высказывание за пределы частного мнения. Среди ключевых тактик выделяется использование дискредитирующей лексики: слов с негативной окраской, вызывающих у аудитории тревогу. Такие выражения, как «высасывают бюджет» или «беспольный проект», подменяют объективный анализ эмоциональным давлением.

Параллельно применяется ложная коллективная апелляция («общество не понимает», «все обеспокоены»). Без опоры на факты такие фразы имитируют всеобщее согласие, манипулируя восприятием слушателя. Завершает воздействие гиперболизация: искусственная привязка объекта к социально значимым угрозам (наркомании, преступности). Даже при отсутствии логической связи такие ассоциации создают у адресата ощущение реальной опасности.

Важную роль также играют ирония, сарказм и семантические инверсии, позволяющие формировать скрытые обвинения без их прямого выражения. Использование маркеров вроде «якобы», «красивая упаковка», «прикрываются грамотами» создает двусмысленность и снижает доверие к объекту.

Манипулятивный характер имеет и дискурсивная структура высказывания. Обычно используется следующая последовательность: сначала сообщается факт, затем дается его интерпретация, после чего следует эмоциональная реакция и, наконец, побуждение к действию. Такая структура постепенно усиливает воздействие и формирует у адресата нужное понимание ситуации.

Структуру дискурса организует тактика референциальной связности, реализуемая через противопоставление «мы» и «они», которая также усиливает эмоциональную поляризацию аудитории.

В совокупности перечисленные манипулятивные приемы и тактики формируют устойчивый негативный образ объекта и оправдывают призывы к его дискредитации.

Для выявления манипулятивных стратегий в судебной лингвистике рекомендуется использовать комплекс методов, разработанных в рамках прагмалингвистики и дискурсивного анализа [2, с. 118]. Их применение позволяет анализировать не отдельные языковые элементы, а высказывание в целом – с учетом его воздействия на адресата.

Один из основных признаков манипуляции – нарушение информационного баланса. Оно проявляется в том, что информация подается односторонне, без учета альтернативных точек зрения. В результате адресат получает ограниченную картину и в меньшей степени способен к самостоятельной оценке.

Другим признаком является представление субъективного мнения как факта. Например, высказывания типа «все обеспокоены» или «никто не поддерживает» создают впечатление, что речь идет об общепринятой позиции, хотя это может быть не так.

С этим связано использование неопределенных обозначений («они», «некоторые», «многие»). Такие формулировки размывают источник информации, снимают ответственность с говорящего и одновременно расширяют круг тех, к кому относится утверждение.

Также применяется перенос ответственности на абстрактные структуры («власти», «система»). Это позволяет высказывать обвинения без указания конкретных лиц.

Еще один прием – противопоставление внешнего образа и «скрытой» сущности объекта. Он реализуется через иронию и намеки и формирует недоверие к объекту.

Важно учитывать, что все эти признаки можно правильно оценить только в контексте: с учетом того, кто говорит, кому адресовано высказывание, с какой целью и в каком жанре [2, с. 120].

В целом анализ языковых средств, структуры высказывания и коммуникативной ситуации позволяет выявить признаки информационного давления, искажения информации и порочащих утверждений.

Эффективность предложенных методов особенно высока при работе с устной речью. Особенности таких высказываний – спонтанность и эмоциональность – не только усиливают давление на слушателя, но и затрудняют однозначную трактовку текста. Зачастую эти высказывания строятся по схеме «описание – интерпретация – требование», что стирает грань между фактом и призывом к действию.

Погрешности в живой речи (повторы, фрагментарность) парадоксальным образом повышают доверие аудитории и снижает порог критического восприятия. Именно поэтому лингвистическая экспертиза в данном случае требует комплексного подхода, охватывающего семантику, прагматику и контекст высказывания в их связи с репутационными рисками.

Таким образом, устная форма речи выступает не только способом передачи информации, но и фактором, усиливающим воздействие и допускающим множественность интерпретаций. А значит, ее анализ не ограничивается текстом, требует и учета широкого коммуникативного контекста. В частности, при анализе данного спорного видеообращения необходимо учитывать эмоциональный фон, апелляции к страхам аудитории, использование неопределенных формулировок и представление оценок в форме фактов. Совокупность этих характеристик позволяет рассматривать высказывания как манипулятивные конструкции.

Анализ манипулятивных стратегий в публичном видеообращении

Приведенный выше теоретический обзор методик лингвистической экспертизы и особенностей анализа устной речи находит убедительное подтверждение в материале реального кейса – публичного обращения жительницы Турксибского района, опубликованного в видеоформате, с критикой деятельности общественного фонда «Реванш». Проанализируем конкретные фрагменты обращения в соответствии с обозначенными подходами.

1. Эмоциональная лексика и апелляция к страху

«Все в шоке, что по соседству такие лица проживают... это небезопасно... дети выходят со школы в 7:30...»

В этом отрывке мы отчетливо видим, как автор переходит от обычного описания фактов к нагнетанию тревоги. Повтор лексемы «в шоке», а также заострение внимания на «детях» и «небезопасности» способствуют нагнетанию тревоги. Это типичный прием для конфликтного дис-

курса: здесь цель уже не в том, чтобы что-то рассказать или объяснить, а в том, чтобы выбить почву у читателя из-под ног. Автор планомерно создает «образ врага», заставляя аудиторию нервничать и искать виноватых.

2. Апелляция к «голосу народа» без верифицируемых данных

«Мы обеспокоены... мы, многодетные матери, жители Турксиба...»

Интересно работает и местоимение «мы». Когда автор прикрывается фразами вроде «мы, многодетные матери» или «мы, жители района», он создает иллюзию, будто с ним согласны абсолютно все. Это своего рода манипуляция большинством: автор присваивает себе право говорить от лица «народа», превращая обычный спор в эмоциональный шантаж. Оппоненту в такой ситуации психологически сложно возражать, ведь он как бы идет против целой группы людей, а не против одного человека.

3. Референциальная неясность

«Они красиво упаковали свою деятельность», «они выбили себе проект», «они сидят и высасывают средства».

А вот когда нужно бросить обвинение, автор, наоборот, уходит от конкретики и использует слово «они». Фразы вроде «они высасывают средства» бьют в цель, но при этом остаются максимально туманными. Это очень удобная и, прямо скажем, хитрая стратегия: она позволяет очернить оппонентов и настроить против них толпу, но при этом формально не дает повода для судебного иска, так как конкретные имена не названы.

4. Контраст между «оберткой» и реальностью

«Под красивым названием ‘Жаңа Өмір’ скрывается реальная угроза», «на самом деле они никакой пользы не несут».

Фразы вроде «под красивым названием скрывается угроза» или «на самом деле никакой пользы нет» работают на резком противопоставлении. Автор намеренно создает разрыв между позитивным имиджем проекта и его якобы опасным внутренним содержанием. Это создает эффект «разоблачения», типичный для деструктивных споров: слушателю внушают, что его обманывают, и под маской благополучия скрывается нечто подозрительное. Такая ирония помогает автору быстро обесценить объект и лишить его доверия аудитории.

5. Переход от описания к открытому требованию

После того как почва была подготовлена серией обвинений, автор переходит к прямым ультиматумам: «Мы требуем закрыть, «будем писать в полицию», «не доводите до крайностей». И заново в этот момент в тексте происходит ключевой сдвиг. Если в начале речь шла об информации или личных чувствах, то теперь она превращается в инструмент прямого давления на власть. Для лингвистической экспертизы это принципиальный момент, так как информативная функция высказывания окончательно уступает место побудительной.

Итак, анализ этого видеообращения показывает, что перед нами не просто стихийная жалоба, а выстроенная стратегия влияния, полностью соответствующая научным признакам манипуляции. На основе этого материала можно выделить ключевые маркеры, на которые стоит опираться эксперту. Прежде всего, это подмена понятий, когда личное оценочное мнение подается как неоспоримый факт, а любые утверждения сопровождаются туманными ссылками на «они» или «кто-то там», чтобы избежать конкретики.

Ситуация усугубляется апелляцией к «голосу народа», который невозможно проверить, и намеренным раздуванием масштабов угрозы ради эмоционального отклика. Вся речь строится по четкой цепочке: сначала дается якобы объективный факт, затем – его жесткая авторская трактовка, которая неизбежно приводит к агрессивному призыву или требованию. Когда такие приемы накладываются друг на друга, возникает кумулятивный эффект: у аудитории формируется стойкий негативный образ объекта, а способность критически оценивать услышанное снижается. Совокупность этих признаков и позволяет квалифицировать текст как манипулятивный, требующий детального разбора в рамках судебной экспертизы.

Заключение

Проведенный анализ текста видеообращения подтвердил системное использование приемов, характерных для манипулятивного дискурса. Исследование показало, что такая манипу-

ляция – это сложная практика, где лексика, интонация и структура текста работают в тесной связке для формирования у адресата определенной модели восприятия (чтобы навязать слушателю нужную интерпретацию событий).

В ходе анализа выявлен комплекс стратегий, обладающих мощным воздействующим потенциалом: фактуализация оценочных суждений и апелляция к неопределенному коллективному субъекту. Эти приемы дополняются использованием эмоционально нагруженной лексики и намеренным искажением референциальной структуры, когда обобщенное «они» подменяет конкретных участников событий. Логика таких высказываний обычно строится на постепенной эскалации – от описания фактов к их интерпретации и конечному побуждению. При этом ключевое значение имеет кумулятивный эффект: совокупность отдельных речевых приемов формирует устойчивый негативный образ объекта, постепенно снижая критичность его оценки аудиторией.

С позиций судебной лингвистики принципиально важно, что подобные манипулятивные конструкции не обязательно содержат прямую ложь. Но за счет специфической языковой формы и контекстуального давления они приобретают выраженный дискредитирующий характер. Это особенно проявляется в ситуациях, когда субъективные оценки подаются как объективные факты, что неизбежно повышает риски причинения репутационного ущерба. Ситуация осложняется самой устной формой выступления, где интонационная вариативность и спонтанность размывают границы между информированием и призывом, требуя от эксперта предельно точной интерпретации всех уровней коммуникации.

Предложенный методический подход позволяет системно выявлять признаки манипуляции и обоснованно интерпретировать их в рамках экспертизы. Это помогает четко отделить допустимую критику от намеренного давления и действий, наносящих вред репутации. Дальнейшие исследования в этом направлении могут быть связаны с расширением эмпирической базы и поиском новых критериев оценки манипулятивного влияния, что в свою очередь должно существенно повысить достоверность лингвистических экспертиз в современной информационной среде.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Кукушкина О.В. Негативная информация: утверждение о факте или выражение мнения? // Теория и практика судебной экспертизы. – 2016. – № 3(43). – С. 132–146.
- 2 Кукушкина О.В. Методы анализа, применяемые в судебной лингвистической экспертизе // Теория и практика судебной экспертизы. – 2016. – № 1(41). – С. 118–126.
- 3 Быкова О.Н. К вопросу о языковой манипуляции в средствах массовой информации // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Вып. 6. – Красноярск-Ачинск, 1998. – С. 18–22.
- 4 Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – М.: ЧеРо: Изд-во МГУ, 2000. – 344 с.
- 5 Карасик В.И. Язык социального статуса: социолингвистический, прагмалингвистический и лингвосемантический аспекты. – М.: Гнозис, 2002. – 333 с.
- 6 Копнина Г.А. Этическая норма и проблемы речевого манипулирования // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы: материалы Междунар. науч. конф. – М., 2003. – С. 252–254.
- 7 Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. – М.: Эксмо, 2005. – 832 с.
- 8 Van Dijk T.A. Discourse and manipulation // Discourse & Society. 2006. Vol. 17. No. 3. P. 359–383.
- 9 Fairclough N. Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language. London: Longman, 1995. 265 p.
- 10 Карасик В.И. Структура институционального дискурса // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 1. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. – С. 25–33.

REFERENCES

- 1 Kukushkina O.V. (2016) Negativnaja informacija: utverzhdenie o fakte ili vyrazhenie mnenija? // Teorija i praktika sudebnoj jekspertizy. No. 3 (43). P. 132–146. (In Russian)
- 2 Kukushkina O.V. (2016) Metody analiza, primenjaemye v sudebnoj lingvisticheskoj jekspertize // Teorija i praktika sudebnoj jekspertizy. No.1 (41). P. 118–126. (In Russian)

- 3 Bykova O.N. (1998) K voprosu o jazykovoj manipuljacii v sredstvax massovoj informacii // Teoreticheskie i prikladnye aspekty rechevogo obshhenija. Vyp.6. Krasnojarsk-Achinsk. P. 18–22. (In Russian)
- 4 Docenko E.L. (2000) Psihologija manipuljacii: fenomeny, mehanizmy i zashhita. M.: CheRo: Izd-vo MGU. 344 p. (In Russian)
- 5 Karasik V.I. (2002) Jazyk social'nogo statusa: sociolingvisticheskij, pragmalingvisticheskij i lingvosemanticheskij aspekty. M.: Gnozis. 333 p. (In Russian)
- 6 Kopnina G.A. (2003) Jeticheskaja norma i problemy rechevogo manipulirovaniya // Rusistika na poroge XXI veka: problemy i perspektivy: materialy Mezhdunar. nauch. konf. M. P. 252–254. (In Russian)
- 7 Kara-Murza S.G. (2005). Manipuljacija soznaniem. M.: Jeksmo. 832 p. (In Russian)
- 8 Van Dijk T.A. (2006) Discourse and manipulation // Discourse & Society. Vol. 17. No. 3. P. 359–383. (In English)
- 9 Fairclough N. Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language. London: Longman, 1995. 265 p. (In English)
- 10 Karasik V.I. (2000) Struktura institucional'nogo diskursa // Problemy rechevoj kommunikacii: mezhvuz. sb. nauch. tr. Vyp. 1. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta. P. 25–33. (In Russian)

ТОМАНОВА Н.М.,*¹

ф.ғ.к., қауымдастырылған профессор.

*e-mail: n.tomanova@turan-edu.kz

ORCID ID: 0009-0004-1730-6150

ЖАППАР Қ.З.,¹

ф.ғ.к., профессор-зерттеуші.

e-mail: k.zhappar@turan-edu.kz

ORCID ID: 0000-0001-8655-7675

БУЗЕЛО А.С.,¹

ф.ғ.к., профессор.

e-mail: a.buzelo@turan-edu.kz

ORCID ID: 0000-0001-5457-1237

АЛДАБЕРГЕНҚЫЗЫ Л.,¹

аударма ісі магистрі, сениор-лектор.

e-mail: l.aldabergenkyzy@turan-edu.kz

ORCID ID: 0000-0003-3895-2085

¹«Туран» университеті,

Алматы қ., Қазақстан

КӨПШІЛІК АЛДЫНДА СӨЗ СӨЙЛЕУДЕГІ ТІЛДІК МАНИПУЛЯЦИЯ: ДАУЛЫ МӘТІНДЕРДІҢ ЛИНГВИСТИКАЛЫҚ САРАПТАМА ӘДІСТЕМЕС

Андатпа

Мақала медиамәтіндердегі сөйлеу манипуляциясын зерттеуге арналған және оны сот-лингвистикалық сараптама тәжірибесінде анықтаудың әдістемелік тәсілдері қарастырылады, сондай-ақ манипулятивтік ықпалды талдаудың теориялық негіздері нақтыланады. Зерттеудің өзектілігі қоғамдық коммуникацияның конфликтілік әлеуетінің артуымен байланысты, бұл маманнан қоғамдық пікір мен әлеуметтік субъектілердің беделіне әсер ететін даулы пікірлерді лингвистикалық тұрғыдан негізделген әрі контекстке сезімтал түрде түсіндіруді талап етеді. Мақалада манипулятивтік дискурсты зерттеудің отандық және шетелдік тәсілдеріне сыни талдау жасалып, олардың әдіснамалық шектеулері мен қайшылықтары анықталады, сондай-ақ семантикалық, прагмалингвистикалық және дискурстық талдауды интеграциялау қажеттілігі негізделеді. Қоғамдық бейнеүндеу материалы негізінде олардың қызмет етуінің прагматикалық шарттарын ескере отырып, тілдік және коммуникативтік ықпал ету тетіктеріне кешенді зерттеу жүргізіледі. Авторлар манипулятивтік пікірлерді сараптамалық тұрғыдан бағалау критерийлерінің жүйесін олардың семантикалық құрылымы, коммуникативтік бағыттылығы және контекстуалдық параметрлері негізінде ұсынады. Зерттеу нәтижелері даулы мәтіндерді бағалау кезінде, сондай-ақ фактілік және бағалауыш ақпаратты ажыратуда сот-лингвистикалық сараптама тәжірибесінде қолданылуы мүмкін.

Тірек сөздер: сөйлеу манипуляциясы, сот лингвистикасы, манипулятивті дискурс, қоғамдық коммуникация, бағалау айтылымдары, коммуникативтік ықпал.

TOMANOVA N.M.,*¹

c.ph.s., associate professor.

*e-mail: n.tomanova@turan-edu.kz

ORCID ID: 0009-0004-1730-6150

ZHAPPAR K.Z.,¹

c.ph.s., research professor.

e-mail: k.zhappar@turan-edu.kz

ORCID ID: 0000-0001-8655-7675

BUZELO A.S.,¹

c.ph.s., professor.

e-mail: a.buzelo@turan-edu.kz

ORCID ID: 0000-0001-5457-1237

ALDABERGENKYZY L.,¹

master in transl. studies, senior lecturer.

e-mail: l.aldabergenkyzy@turan-edu.kz

ORCID ID: 0000-0003-3895-2085

¹Turan University,

Almaty, Kazakhstan

SPEECH MANIPULATION IN PUBLIC SPEECHES: A METHODOLOGY FOR THE LINGUISTIC EXPERT ANALYSIS OF DISPUTED TEXTS

Abstract

This article examines speech manipulation within media texts and provides a structured framework for its identification in forensic linguistic practice. The study addresses the rising conflict potential in modern public communication, which demands more precise, context-sensitive tools to interpret controversial statements that impact public opinion and social reputation. A critical review of both domestic and international research highlights existing methodological gaps and underscores the importance of an integrated approach – one that combines semantic, pragmalinguistic, and discourse analysis. Using a public video address as a case study, the research demonstrates how specific linguistic mechanisms of influence operate under real-world pragmatic conditions. The study establishes a systematic set of criteria to help experts qualify manipulative speech by analyzing its semantic structure, intent, and context. These findings offer practical utility for forensic linguistic expertise, particularly when distinguishing between verifiable factual claims and subjective value judgments in legal disputes.

Keywords: speech manipulation, forensic linguistics, manipulative discourse, public communication, evaluative statements, communicative influence.

Дата поступления статьи в редакцию: 15.04.2026